

Сатирикон

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕСНА
СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА!

ТАК БУДЕМ МЫ ПРАЗДНОВАТЬ
ПЕРВОЕ МАЯ,
КАК ТОЛЬКО НЕ СТАНЕТ
«КОЛХОЗНОГО РАЯ»,
КАК ТОЛЬКО НА РОДИНЕ
НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ
НАРОДЫ ПОКОНЧАТ
СО СТАЛИНСКОЙ КЛИКОЙ.

Внимание!..

Внимание!..

Внимание!

Говорит Москва...

Слушайте!..

Слушайте!..

Слушайте!

Трудящиеся нашей Родины, при активной поддержке всего передового и прогрессивного человечества, сталинская тирания свергнута! Народы России вступают в общую семью свободных народов мира...

Настанет день и это радиосообщение из Москвы прозвучит на весь мир. Способствовать приближению этого дня — задача и цель нашего журнала.

Острый ланцет сатиры, юмора, карикатуры — наше оружие.

Пороть этим ланцетом обветшалые сталинские наряды, раздевать догола «отца и мучителя», показывать карикатурность и уродливость «самого демократического» государства — наш метод борьбы.

В отличие от хирургов, мы нашим ланцетом будем орудовать без особых мер предосторожности. Заодно с большевистским тряпьем, мы намерены испаривать и сталинскую брюшину.

Кремлевские кликуши утверждают, что «история развертывается по Марксу — Энгельсу — Ленину — Сталину». История, действительно, развертывается, чтобы «вернуть» именно по Марксу — Энгельсу — Ленину — Сталину. Столько напакостила эта четверка в аппаратах истории, что мир уже задыхаться стал. Народы мира развертываются тоже. Единим фронтом свободы.

Должное место в этом фронте занимают народы нашей родины — первые жертвы коммунизма. Американский народ протягивает руку дружбы нашим народам. Дружеское рукопожатие двух гигантов, несомненно, состоится. От этого рукопожатия сталинский дух может выйти не только из «вождя», но и из России. Без атомных бомб и без большого кровопролития... Так развертывается история.

«Сатирикон» включается в этот общий фронт борьбы за свободу во всеоружии острозубой народной сатиры и бичующего народного юмора. Мы уверены, что это наше оружие, разрывая железный занавес, поможет народам освободиться от пут коммунизма. Мы также уверены, что сатирики, юмористы и карикатуристы из СССР найдут пути к «Сатирикону» и станут его сотрудниками.

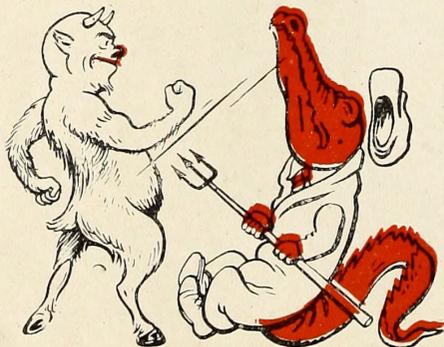
Заодно мы объявляем войну московскому трупоядному «Крокодилу». Сей сталинский подхалим ексотит за простым людом, поставляет его для Лубянки и пожирает мертвецов, уже приконченных в МГБ. Вследствие этой специфической профессии и пищи, от «Крокодила» на всю страну несет смрадом, от которого задохнулись подлинный народный юмор и сатира. Трудящимся от «Крокодила» не смешно, а грустно и странно. Оздоровить атмосферу для возрождения народного юмора и сатиры «Сатирикон» считает своим прямым долгом и вызывает «Крокодила» на кулачный бой.

Мы намерены также вскрывать всякие болячки демократического Запада и наши внутриэмигрантские язвы. Близорукость тафтов, самоубийственный курс Неру (как противоположность извечной индусской мудрости), маятникообразность Эттли, российские политические сектанты-изоляционисты (пытающиеся изолировать российскую эмиграцию от борьбы с коммунизмом) и лже-демократы — найдут свое достойное отображение в «Сатириконе».

Будем мы показывать и «загнивающий капитализм», как противоположность «цветущему социализму». Большевистский социализм, по сталинским сказкам, непрерывно цветет (но не зреет и не плодоносит — пустоцвет сплошной), а потому и не загнивает. Загнивать при таком социализме, кроме власти, собственно, нечему.

«Сатирикон», по возможности, будет отмечать всех по заслугам. Сталину и его друзьям, конечно, предпочтение. Дело, как видите, серьезное. Смеяться мы думаем всерьез и надолго. Поэтому: сатирики, юмористы и карикатуристы всех стран — объединяйтесь!

Будем бить по Сталину и коммунизму хлестким фельетоном, острым рассказом, бичующим скетчем, антисоветским анекдотом, частушкой, карикатурой и прочим, пока большевизм не присатирикончим.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

„Виднейшие политики США внесли в Конгресс резолюции, содержащие торжественные заявления о чувствах дружбы и уважения, которые американский народ питает к русскому народу...“ „Недавно в США создано „Общество Друзей Борцов за Свободу России“. „Президент Труман подписал закон, широко открывающий двери США для беженцев из СССР. Разрешается въезд даже бывшим членам коммунистической партии и комсомола“.

(Из американских и европейских газет)

Рис. Н. Мышлаевского

Больше всего в Советском Союзе, конечно, планов. От планов, можно сказать, не повернуться. Весь путь советского человека — от родильного дома до похоронного бюро — насквозь планируется. Даже составление планов по планам производится. А планы эти так переpleлись и перепутались, что и живые люди, и окостеневшие советские учреждения прямо-таки тонут в них и задыхаются.

Каких только нет планов: и пятилетние, и годовые, и квартальные, и месячные, и декадные, и ежедневные, и повседневные, и сменные, и даже почасовые графики, рассчитанные по минутам и секундам так, что для нормальной жизни у человека ни минуты свободной не остается.

Это, так сказать, планы в разрезе времени. Продольные планы, если смотреть вдоль человеческой жизни, или вертикальные, как их именуют.

А есть планы и поперечные. Которые, значит, стоят поперек жизни и поперек горла. Или, официально выражаясь, горизонтальные планы: госпланы, облпланы, райпланы, горпланы, сельпланы, домовые планы (лешие официально не признаны и к ним, обычно, трудящиеся адресуют все, вообще, планы).

Есть и, так называемые, отраслевые планы: промышленные, сельскохозяйственные, строительные, транспортные, кооперативные, промкооперативные, ширпотребные и совершенно непотребные (вроде плана построения коммунизма).

Есть и, так называемые, промежуточные планы. По этим планам население Советского Союза ставится в промежуточное положение: между жизнью и смертью. Советским гражданам приходится выбирать, что лучше: или путь Маркса - Энгельса - Ленина - Сталина, или доно Авраамово. По промежуточным планам работают, главным образом, подсобные предприятия, подсобляющие Сталину удерживаться у власти: МГБ, МВД, МГК (Министерство Госконтроля) и иные партийно-дермократические органы.

Народ совсем ошалел от планов, стал заикаться и заговариваться. При встрече, например, некоторые советские граждане говорят так:

— А, Иван Петрович, КП-КП? (Это значит: Как Поживаете? Как План?)

— Ох, Иван Иванович, ПП-ПП! (Это значит: Плохо Поживаем, План Перевыполняем!)

Однако, на каждом данном отрезке времени, какой-нибудь план получает решающее значение и к нему приковывается всеобщее внимание страны. Такой план делается как бы именинником.

На данном этапе в «именинники» попал, так называемый, навозный план или, как он официально именуется (для благозвучия), «план накопления местных удобрений». К «именинам» этим готовятся такие

лозунги: «Накапливая навоз, ты укрепляешь дело мира!» «Ударим высококачественным навозом по англо-американским империалистам!» и т. п.

Накопление навоза в СССР, конечно, шло и до сих пор. За время советской власти его накопилось в стране столько, что не продохнуть.

Вот, например, что сообщала недавно газета «Социалистическое Земледелие».

«В колхозе им. Андреева (Великолуцкая область) есть животноводческие помещения, из которых навоз не вывозился несколько лет подряд».

И это оказалось хорошо, ибо колхозно-навозное руководство, осеяемое гением Сталина, можно сказать, бессознательно, но совершенно точно угодило в самую что ни на есть генеральную линию партии. Другие только теперь начнут с навозом нянчиться, а у этих уже накоплено и перенакоплено. Садись только, да пиши «дорогому отцу и учителю»: так, мол, и так, — ваше гениальное руководство дало нам силу предвидения... Предвидели мы, дескать, что все, в конце-концов, сведется к навозу...

Словом, повезло колхозу имени Андреева. Выполнили план так, что лошади в конюшне головами соломennую крышу достают.

Правление колхоза (укрупненного, конечно) озабочено сейчас только одной сложной животноводческой проблемой: как вынуть лошадей из конюшни, если в ближайшие дни наступит такой момент, когда через двери лошадей вывести будет уже нельзя?

Большинство склоняется к предложению колхозного конюха тов. Кудрявцева, которое, коротко, сводится к следующему: 1) животных пока не тревожить; 2) рядом с конюшней соорудить журавель, такой, какие делают у колодезь; 3) в критический момент к одному концу привязать животное, а на другой конец нажимать всем колхозным миром и, таким образом, освободить лошадей.

Этот способ облегчается тем, что лошади, находясь на перенакопленном навозе под самой крышей, почти всю крышу уже съели.

План Кудрявцева, разумеется, будет тоже осуществляться по специальному плану...

СТАЛИНСКАЯ «ЗАБОТА» О ЧЕЛОВЕКЕ

„Первое, что бросается в глаза в Советском Союзе, — это невероятное множество бедствующих инвалидов войны. Ни в одной другой стране нет ничего подобного“.

(Из сообщений иностранных корреспондентов)

Рис. Р. П. Э.

— Помнишь, товарищ, до „Дня Победы“ нас каждый торжественный вечер вытаскивали на подмостки..

— А теперь под мостки загнали...

Говоря откровенно...

если все так хорошо, почему же все так плохо?..

Ненаглядные пособия

Министерство Просвещения РСФСР издало книжечки с описанием учебных приборов для школ и указанием адресов, откуда эти приборы можно выписать.

— Наконец-то! — обрадовались советские педагоги. — За тридцать три года советской власти дошла очередь и до изготовления учебных приборов.

Но... вместо срочно выписанных приборов, школы получают только отдельные детали: либо стрелку, либо рычажок, либо штатив, либо отдельные трубочки. А остальное советуется доделывать самим, на месте.

И правильно советуется. А как же иначе? Советская промышленность даже турбины выпускает некомплектными. Раз задачу «овладеть техникой» решили, значит, доделывать приборы педагоги могут сами: описания приборов прилагаются бесплатно.

Получили вы, скажем, стрелку; стрелка, она — показатель всего прибора. А в советских условиях показатели — главное. Остальное и словами объяснить можно.

М. КУЗЬКИН

Сколько их!

Министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов снял с работы и отдал под суд заместителя начальника Тульского областного управления сельского хозяйства гражданина Пучкова, которого обвиняет в бесхозяйственном хранении минеральных удобрений.

Пропал гражданин Пучков! Но не он первый, и не он последний.

Кампания по подготовке к севу только разворачивается. Во многих областях так же, как и у Пучкова, большая часть туков продолжает находиться под открытым небом, подвергаясь иорче по той простой причине, что на строительство необходимых помещений Бенедиктов средств не дает. Но откуда их ему взять, если «их превосходительство» себе дачки строит, а в свободное время только «козлов отпущения» ищет?..

Нам известно, что такие очередные жертвы уже намечены. Судя по советской прессе, это: И. Г. Моисеенко из Краснодарского края, Н. И. Нежевин из Новгородской области, Г. П. Карелинов из Калининской области, А. В. Давыдов из Великолукской области, С. А. Краснов из Сталинградской области, И. Я. Дорофеев из Ростовской области, Н. П. Шибдин

из Псковской области, В. А. Антонов из Саратовской области и М. П. Калганов из Воронежской области.

Плохо «козлам»: — волк в овчарне! И. ПЕРЧИКОВ

Не сговорились

Куйбышевская областная газета «Волжская Коммуна» сообщила недавно, что в районном центре «Большая Глушица» пущена в эксплуатацию электрическая станция. Но в эти же дни районная газета «Степные Известия», выходящая в самом райцентре «Большая Глушица», напечатала несколько другое: «Эле-

Разруха в Княгинино

В Горьковской области (б. Нижегородской) есть районный центр Княгинино, ничем от других советских райцентров не отличающийся. Здесь негде подбить на прохудившийся сапог подметку, здесь нет ни одной мастерской по производству или ремонту предметов хозяйственно-бытового обихода, здесь хозяйка не найдет корытца для рубки капусты или обычной кухонной терки.

Когда-то в Княгинино были саложная, валяльно-сапожная, кузнечная, бондарная, колесно-санная и другие мастерские. Но, в связи с переходом во вторую фазу коммунизма, все это ликвидировано, как несозвучное сталинской эпохе.

Починить жилище трудящимся людям и некому, и нечем: в райкомхозе нет даже строительной группы. Ну, а если заведующему откомхозом тов. Юпатуину бывают иногда нужны кирпичи для починки или кладки печей в квартирах ответственных работников района, он спокойно приказывает ломать какое-нибудь здание.

М. МАКСИМ

«Расцвет»

«Под мудрым сталинским руководством до неузнаваемости расцвела и преобразилась наша Родина при социализме», пишет «Правда». Но правда без ковычек говорит другое. «Расцвет» советских городов можно себе представить на примере Тамбова.

Многие улицы в Тамбове до сего дня не освещены и озаряются только «немеркнущим гением товарища Сталина». Тротуары не исправляются, набережная реки Цны приведена в совершенно непролазное состояние. Примерно, в таком же состоянии находятся дворы домов и улицы. Жилые дома не ремонтируются. В облупленных фасадах, как в зеркале, отражается все величие сталинизма. С площадей, бульваров и скверов исчезла зелень. Ввиду «исключительных успехов» городского транспорта, население города передвигается, главным образом, дедовскими способами, — «на своих, на двоих». В городе вовсе нет прачешной и «ателье» бытового обслуживания. Мало магазинов, а в магазинах еще меньше товаров. От общественных столовых так и несет специфическим ароматом коммунального хозяйства. Чем не цветущее увядание! С. БЕЗРУЧКО

Н. Е. КРАСОВ

В О Ж Ж И

Прову в колхозе работы по горло,
А еще с упряжью к горлу подперло:
Нет ни вожжей, ни ремней, ни веревки, —
Даже повеситься не на чем Прову.

Едет страдалец наш в лавку, в район.
Там к продавцу обращается он:
— Нет ли в продаже хоть пары вожжей?
Просто без них погибаю, — ей-ей!..

— Да! без вождей не годится, папаня,
Но не горюй! Есть любые издания.
На, вот, — портреты на разную цену...
Где хочешь вешать: в избе? Иль на сцену?..

Молвил тут Пров наш в своей простоте:
— Это, сыночек мой, вожжи не те.
Эти, — что б вешать, а мне бы, сынок,
Надо такие, что б править я мог...

ктростанцию обещали пустить... но все это осталось на бумаге».

Кто же врёт? «Волжская Коммуна», или «Степные Известия»?

О. БРЫЗГИН

В небо пальцем...

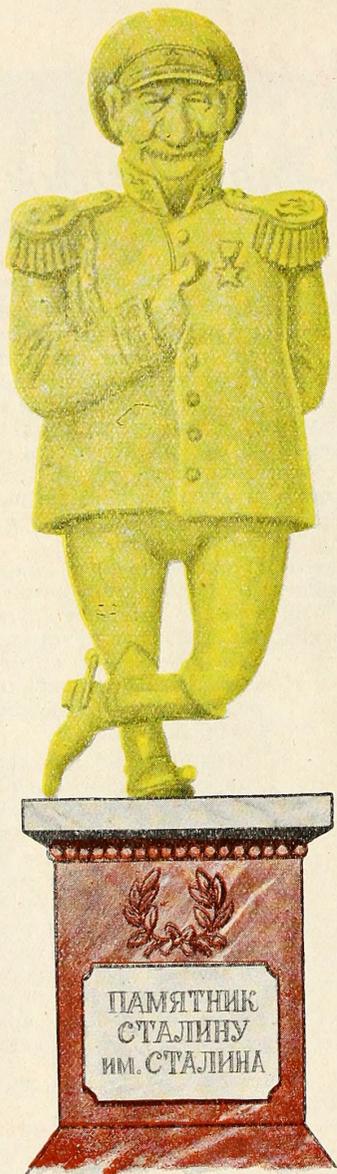
Калужский облисполком обнаружил недавно в Калуге областную контору «Сельхозэлектро», в которой у служащих обнаружены «крайне слабая активность, отсутствие самостоятельности и неразбериха и невызки в работе».

Интересно, а может ли Калужский облисполком назвать хоть одну областную контору, где проявляется самостоятельность. Ведь, при сталинской «демократии» самостоятельность — вещь невозможная. Ну, а насчет неразберихи — это проще. Вся большевистская система — сплошная неразбериха.

А. ПЧЕЛКИН

СОН ПЕРЕСЫПКИНА

И. ОРЛОВ

Телеграфное Агентство Советского Союза (ТАСС) недавно сообщило, что „в Ереване открыт величественный монумент товарищу Сталину, высотой в 50 метров. Монумент отделан базальтом и черно-коричневым туфом. Фигура вождя отлита из меди.“

Со смыслом ереванские большевички памятник воздвигли. И материал подходящий выбрали — медь, и цвета подобрали правильные, гитлеровские.

Армяне, глядя на новый монумент, шутят теперь: „В Ленинграде стоит памятник Петру Великому, — называется „Медный всадник“. А у нас — „Медный пешеход“, — десять раз больше!“

Шутка эта, конечно, наводит на многие размышления. Но больше всего мы думаем сейчас над вопросом: почему от вождей, которые усиленно сооружают себе памятники при жизни, после их смерти никаких памятников не остается?..

Рис. Н. О.

Сидит товарищ Пересыпкин, обложился «Правдами», «Большевишками», — ко Дню Печати готовится. А за окном май цветет. До мая ли, когда Пересыпкин пропагандист и пятого у него доклад о «Дне Печати»? Не клеится у Пересыпкина. Посмотрит в «Правду» и чувствует он — нервничает «орган», ругает пропагандистов: «Ведут они работу формально, лишь бы номер отбить»... «сами не убеждены в том, в чем убеждают слушателей». Пересыпкин в комнате один и «удивительно честный» — по Маяковскому. Разоткровенничался сам с собой. Мысли дошли до страшного: перевоспитание широких масс расширяется, а круг перевоспитанных все суживается, и получается, что не партийные низы на трудовые массы влияют, а наоборот. Вот и попробуй тут «решительно перестроиться».

Устал, — подумал Пересыпкин. Прилег на диван и... уснул.

И приснилось ему собрание. Будто стоит он на трибуне, народу полным-полно и лица у всех веселые, радостные.

— Товарищи! — и не узнал он своего голоса — легкомысленный какой-то, независимый от самого Пересыпкина.

— Товарищи, День Печати — великий день, везде он проводится по единому плану, утвержденному товарищем великим Сталиным! (Бурные аплодисменты).

— Товарищи, согласно указаний райкома, наша печать «самая свободная, самая демократическая, прогрессивная, миролюбивая, мобилизующая, организованная» и т. п. и т. п. словом — «самая лучшая!»

— Почему она самая «свободная»? Потому, что она свободно

печатает все, что ей диктуют из Москвы, а простые и честные люди свободно употребляют ее на цыгарки.

— Самая «демократическая» потому, что работает по указанию ЦК, который 12 лет не переизбирался и переизбираться не думает.

— «Прогрессивная и миролюбивая» потому, что прогрессирует не по дням, а по Эренбургу. В припадке миролюбия допрогрессировалась до махрового шовинизма и до лозунга «бей американца!»

— «Мобилизующая» потому, что без мобилизации социализма не построишь — добровольно кто же сталинскую ламку тянуть захочет! (Бурные аплодисменты).

— «Организованная» потому, что организована от заглавий до последних точек: и «шапки» и кому по шапке, и подзаголовки, и подзатыльники, и запятые и зуботычины. Например: «Правда» на первой странице обязана упоминать имя Сталина 100 раз, «Известия» — 80, областные газеты — 50, районные — 40, многотиражки — 20, стенгазеты — 10.

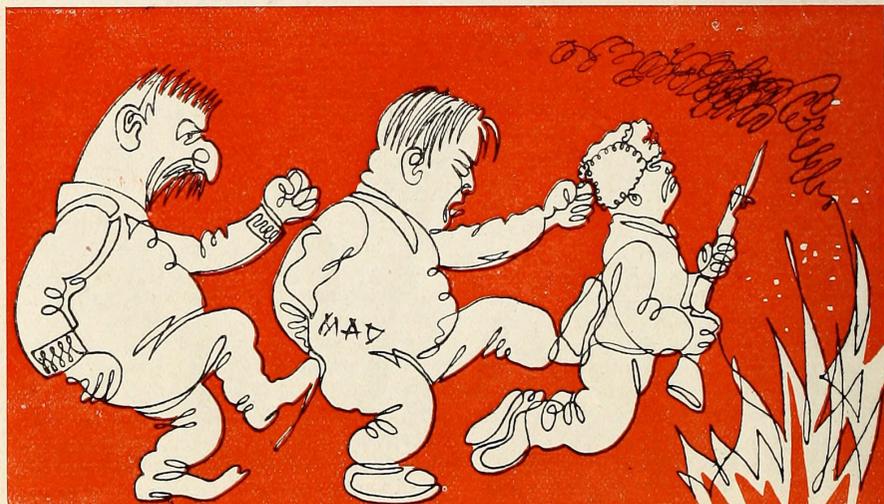
В общем, товарищи, основные задачи нашей печати следующие: гонять рабочих с вахты на вахту, гнать колхозников на весенний сев и из соборных хат, утверждать, что «социализм уже построен» и «народ единодушно предан товарищу Сталину».

— Товарищи, такая жизнь возможна только под руководством большевистской партии и великого Сталина!»

Ура, товарищи!!! — крикнул не своим голосом Пересыпкин.

Люди зааплодировали, вскочили, бросились к трибуне, схватили его — качать. Полетел Пересыпкин под потолок и... грохнулся с дивана.

Рисунок Ли

Отправка китайских „добровольцев“ в Корею.

Трое в одной лодке (не считая Вышинского)...

Рис. К. Джероменко

В. ПАНИН

ЖИВОТНАЯ СТРАСТЬ

Как известно, любовь бывает разная и люди любят по-разному. Один вздыхает, пишет стихи, томится, робеет. Другой, обуреваемый страстью, ходит за любимой, подкарауливает, старается поймать наедине и овладеть.

Так и с миром случилось.

Полюбили его политики разных характеров: Запад вздыхает, надеется, пишет хартии и ноты, а Сталин — грузин, человек знойного темперамента — бегаёт вокруг, кричит: «Мы тэбэ любим!» — и все норовит лапнуть за нескромные места. В Персии попробовал — по рукам получил, к турецким проливам потянулся, на Берлин положил лапу — тоже отпор получил. Решил одной рукой грозиться над Европой, а другой хапнуть в Азии — Корею и Индо-Китае.

Не может человек иначе — страсть одолевает! Спать не дает. Все ночи окно в Кремле светится. Не спится ему, мечется по кабинету, мечется по земле: как овладеть Миром? Коммунистический нахрап столько раз выходил: сорвал поцелуй в Чехословакии, сорвал в восточной Европе, а попробовал поцеловать в Греции — получил по физиономии. Итальянские и французские свахи не помогают.

Решил прибегнуть к восточной лести: «стокгольмское воззвание» написал, робким прикинулся, обиженным, на весь мир голубей напустил (самому Пикассо заказал голубя!). Недавно подарки по 100 000 рублей декану Кентерберийскому и Жолио Кюри послал. Ничего человек не жалеет.

Когда то читал, что Венера мужу с военным — богом войны Марсом — изменила. Решил: не помогут голуби и лести — Марсом явлюсь! Всех подданных своих заставил для себя костюм Марса делать: — латы из танков, самолетов, орудий — тысячи их! — мантию из миллионов солдат.

Летают по миру сталинские голуби, раздаются подарки — подкупы, а страсть кипит: «Мы тэбэ любим!» Но время идет — староват становится, уродство все больше вылезает. Мечется Сталин по Кремлю, день и ночь в книгу заглядывает: «Наука любви» Маркса-Ленина: «Через насилие — к власти». Может,

и решил уже — после голубей! — улучшить момент, приставить Миру пистолет к виску и изнасиловать.

Только догадывается Мир и меру принимает: попросил Запад — робкого своего воздыхателя — защиты от нахала.

И, кажется, твердо решил Запад стать настоящим мужчиной — не давать Мир в обиду.

ПРОСТАЯ МАТЕМАТИКА

И арифметику сумели разложить,
Но долго продолжаться так не может:
Учебник сталинский, — отнять и разделить,
Демократический, — сложить и перемножить.

Ев. ТИХИЙ

Подождите!
Я еще не выяснил,
кто агрессор!...

Дин Эчисон, сме-ле-э-э-е
в бой! Двинь, Эчисон!
Двинь, Эчисон!...

Да, но
оружие
я продал
тореадору.

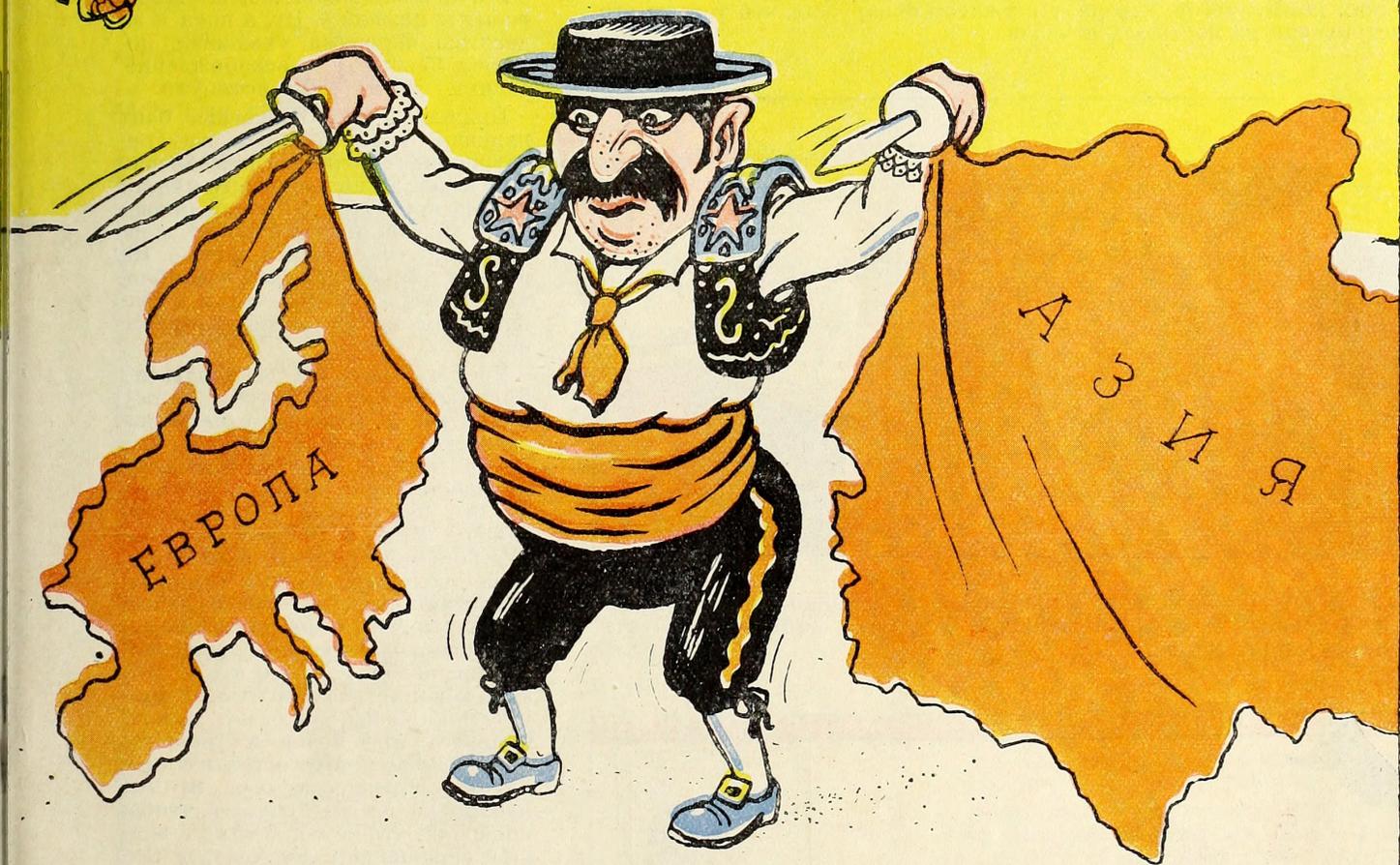
Вы за быка?..

Эх, вы! — Телят
американского быка
Мы ставим на
тореадора.

Дин!
Тикай до дому!..

Цель не
в хвост,
а в глаз...

„ПОЛОН ЦИРК И ЖДУТ ВСЕ ПРЕДСТАВЛЕНЬЕ только двумя ножами, кои наспециализировался вса сдобровать. Не спасут его ни пикадоры (от слова П борчиком Вышинский, Хо-Чи-Мин и Толлиати. Не п ного быка, а на быка американского — быка атомн роды млекопитающего. Она его полностью мораль ет публика еще не вполне дружно. Судите сами. типичное английское джентльменство, удерживая сво тореадора, социалистически с ним заигрывает. Трю то, что рядом Де-Гаспери и Шуман уже дружно ран неловкое положение одного из сторонников „торго Переменная личность выдвигает за их спиной со Тито. Турок, мечтающий стать равноправным участ Цзе-дуном. Два нейтральных, из категории тех ласк отнюдь не тем, что „противоречия в капиталистичес Однако, можно не сомневаться в том, что в критиче это наглое выступление зарвавшегося тореадора бу

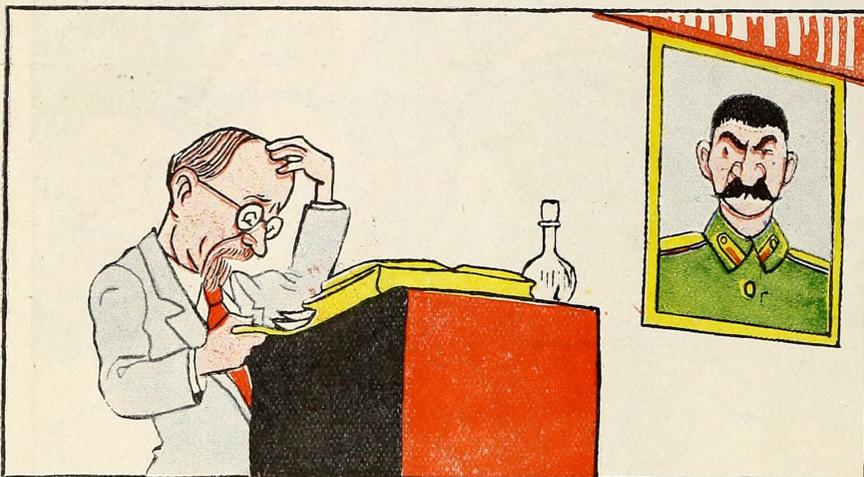

А представленье обещает быть наредкость интересным. Коварному тореадору, хотя он и вооружен не
вать в спины, но и „великой теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина“, на этот раз определенно не
ни матадоры (от слова „материализм“), ни бандерьеры (от слова Бандера), ни стоящие в резерве за за-
ругут, ибо напоролся на этот раз профессиональный потрошитель не на какого-то андалузского или мукес-
). Раздразнил он его своей наглостью и, естественно, большинство публики — на стороне мирного от при-
поддерживает. Она мечтает, чтобы он поскорее забодал коварного тореро. Однако, скажем прямо, действи-
спубликанец Тарт очень некстати демобилизует быка своими репликами. Герберт Моррисон проявляет
политического противника Черчилля от неосторожного шага. Сеньорита Эттли, соблазненная коминформами
Ли, из чисто оонных соображений, собирается создавать еще одну подкомиссию, не обращая внимания на
вают удачно перефразированный ими „Марш тореадора“. Де-Голь своим прямым вопросом поставил в очень
с каннибалами“. Ульбрихт, Цик и Гротеволь пикируются в центре с Аденауэром, Шумахером и Рейтером.
шенно правильный лозунг. Представитель Израиля консультируется с независимым марксистом маршалом
ом Атлантического Пакта, с презрением наблюдает за противоестественным флиртом между Неру и Мао
их телят, которые двух маток сосут, удаляются за кулисы. Но... вся эта разноголосица вызвана, конечно,
и обществе непреодолимы“. Ничего подобного! Просто, еще не у всех политиков хватает рогов и мозгов.
ий момент зрители дружно бросятся на помощь раздраженному млекопитающему и — так или иначе —
его последним выступлением на мировой арене.

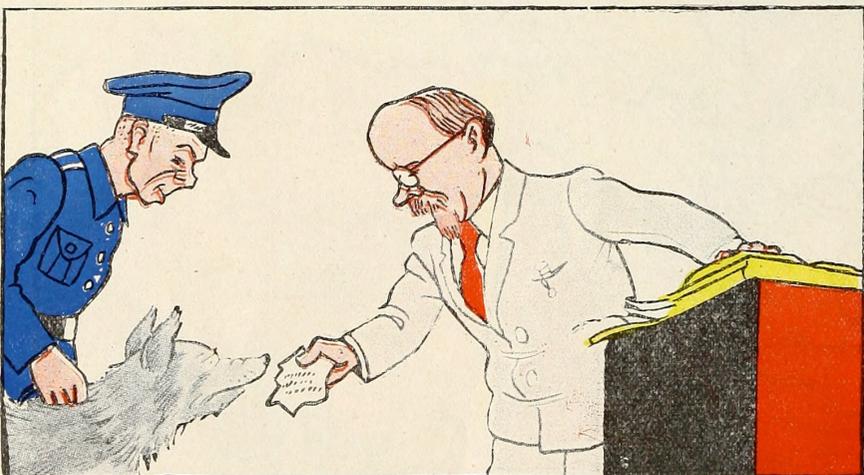
Рис. Н. Ир-ского

ЖУТКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

Рис. Б. Гипотенузы

Выйдя на трибуну для произнесения очередной речи, вождь немецких коммунистов Ульбрихт с ужасом обнаружил, что тезисы его выступления из портфеля исчезли...

На место происшествия немедленно был вызван инспектор „на-родной полиции“ с собакой-ищейкой. Ульбрихт дал им понюхать обрывок черновика и...

...злоумышленник, первым приложивший свою руку к пропавшим тезисам, был обнаружен умной собакой мгновенно.

„Колхоз — гут?..“

Прожил я, ребята, под солнцем сталинской конституции до 16 лет, в колхозе „Заветы Ильича“, Смоленской области, район знал, да забыл. Пусть МВД вспомнит, если ему понадобится. А жили наши колхозники „зажиточно“: с голоду умирали в первую очередь больные, зато госпоставки выполняли на все 100.

Когда началась Великая Отечественная, мы не испугались. Думали, „отец родной“ будет воевать, как обещал, на чужой территории. Только наши почему-то отступили до Москвы.

Пришли немцы. Что дальше было — знаете. Вывезли меня на работу в Германию, в фашистское, значит, рабство. Мне повезло: попал я не к нацисту-гитлеровцу, а к бауэру, к бедняку последнему, за его двумя лошадьми и десятью коровами ухаживать. Бедняк мой, хотя и немец был, а мужик оказался сносный. Да и я после зажиточной колхозной жизни был ко всему привыкший. Ну, а пока я за десятью коровами ухаживал, подошел 45-ый год — освобождение, значит. Домой меня потянуло.

Пришли наши... Я красный бант нацепил, хожу козырем, жду репатриации. Поехали. Довезли нас с музыкой до проверочного пункта и — за проволоку. Начали проверять: мужчин в одну сторону, женщин в другую, вещи в третью. На первом допросе два зуба вышибли, чтобы видно было, что я в фашистском плену мучений натерпелся.

Убег я от них. Куда податься? Вернулся к своему бауэру. Вхожу ночью в дом. Вижу: за столом два советских офицера пируют. Ну, думаю, пропал. Еще раз освободят от фашистского плена — не только без зубов, без головы останешься. Мигнул хозяину и заговорил по-немецки, будто немец. Хозяин догадался, кивнул тихонько и глазами на дверь показывает. Только начал я назад пятиться, один офицер оборачивается и строго спрашивает: „А это кто?“ Хозяин говорит: „вахбар“. Сосед, значит. Понял офицер или нет, только наливает мне волки и говорит: „Пей!“ Делать нечего, сел я к столу. Дрожу. Надо, думаю, им чтонибудь по-немецки сказать, чтобы поверили, что немец. Выпил я водки и спрашиваю: „Колхоз гут?“ Посмотрели они на меня этак грустно. „Гут, — говорят, — колхоз очень гут“. А потом, который постарше, говорит другому по-русски: „Его бы, сволочь, на год в колхоз отправить — не спрашивал бы...“

Хорошо так сказал, смачно. И разговорились мы по-душам после этого. А когда через месяц переходили все трое границу американской зоны, один из офицеров обернулся ко мне, засмеялся и говорит:

— Ну, как? А, может быть, колхоз-то все-таки гут?..

А. ВАСИЛЬЕВ

— Я ПОЛЮБЛЮ только такого человека, чье «люблю» ко мне прозвучит на весь мир! — мечтательно, не глядя на друзей, сказала Олечка, тайно влюбленная в Костю.

Ее однокурница Катя, тоже тайно влюбленная в Костю, удивленно посмотрела на подругу и подумала, что согласилась бы на костиню объяснение в любви и без свидетелей.

— Зачем же на весь мир?!

Ни азиаты, ни африканцы не поймут, — сострил Ваня, тайно влюбленный в Катю.

А Костя, тайно влюбленный в Олю, решил, что напишет о своей любви к ней такую книгу, которая прогремит на весь мир.

— А не пора ли включить радио, не то пропустим начало, — сказал Ваня и начал вертеть в приемнике.

В этот вечер должны были передавать оперу «Евгений Онегин». Было еще рано; диктор бубнил скучные рапорта колхозов и заводов товарищу Сталину, и Ваня сердито выключил радио. В тот же момент Костя, вдруг, торопливо глянул на часы и стал прощаться.

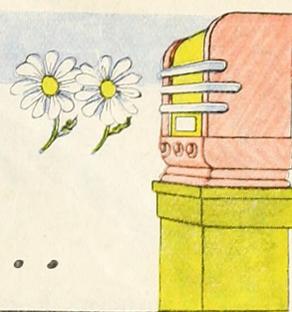
— Но ведь вы тоже хотели послушать? — удивилась Олечка.

— Совсем забыл... одно дело... срочное... я скоро вернусь...

Костя был очень взволнован и убежал, надевая пальто на ходу.

С.ЮРАСОВ

Вскоре Ваня опять занялся приемником и, как раз, во время. «Включаем оперный театр», — объявил диктор. В ящике послышался сдержанный гул зрительного зала, звуки настраиваемых инструментов. Потом оркестр заиграл увертюру Катя закрыла глаза, Ваня, блаженствуя, облокотился на стол. Олечка слушала рассеяно и, забившись в угол дивана, ревниво думала о Косте: «Неужели на свидание?»

По окончании первого акта в комнату хлынули звуки аплодисментов и восторженные крики: «Браво!», «Бис!», «Браво!» Крики, переходя в овацию, сливались в сплошной гул. Вдруг в этом шуме кто-то явственно произнес: «Оля Таирова, я люблю вас...», «Оля Таирова, я люблю вас...»

Олечка решила, что ей померещилось. Катя ахнула — «Костя!» — и испугалась. Ваня замер с полуоткрытым ртом. Происшествие было столь непонятным, что никто не решился обсуждать его. Все старались делать вид, будто ничего особенного не случилось.

Начался второй акт. И снова пели голоса и скрипки, вздыхали басы и виолончели... «Я люблю вас, Ольга», — пел Козловский, и пело олечкино сердце, и Костя казался Ленским, и было его жалко.

На этот раз Ольга уже ничего, кроме музыки, не слышала, и даже не заметила тихо вошедших отца и мать. Она опомнилась только тогда, когда опять загрохотали овации, и невольно подвинулась к приемнику.

И снова в грохоте криков и рукоплесканий зрительного зала явственно послышалось: «Оля Таирова, я люблю вас...» «Оля Таирова, я люб..» — голос Кости оборвался, словно ему зажали рот.

— Мать, да ведь это же Костя! — вскричал пораженный отец Ольги — Ей Богу, Костя!

Олечка вспыхнула и убежала. Мать приподняла скатерть и заглянула под стол...

Костю ждали до часа ночи, но он не пришел. Не пришел и на следующий день. А вечером забежал Ваня и сообщил, что Костя арестован.

Два месяца плакала Олечка и все повторяла: «Это я... это я виновата...»

Костю выпустили к концу второго месяца. Он пришел бледный, похудевший, но гордый и возбужденный. Арестовали его там же, в опере, и обвинили в принадлежности к организации спекулянтов, которые, как раз в это время, пользовались театральными установками «Радиоцентра» для срочной передачи новых цен своим партнерам в других городах. Они пробрались к рампе, поближе к микрофонам и, между криками «браво» и «бис», орали: «Мука — сорок!», «Велосипеды — полторы!», «Шелк — сто!»...

Оставшись наедине с Олечкой, Костя робко спросил:

— Ну, Оля, выполнил ли я ваши условия?

Ему ответили потупленные глаза и зардевшиеся щеки девушки.

Олег ИЛЬИНСКИЙ

КАНИКУЛЫ

*Каникулы! Свободы три недели,
И — слава Богу! — кончились дожди,
На улице, к тому ж, конец апреля,
А сколько дел, казалось, впереди!*

*Мой каждый шаг мне обещал удачу,
Вишневый цвет ловил я на плече.
По вечерам тогда я даже начал
Писать стихи о собственном плаще.*

*Хотелось до конца мои тетради
Наполнить солнцем пополам с дождем,
Всем скопом увлечений и занятий,
Чем я теперь, чем мы теперь живем.*

*Что б чаша переполнилась до края,
Внести в тетрадь все мысли и дела,
И солнечную девушку в трамвае
На фоне запыленного стекла.*

*Случайно, в приключенческой отваге,
Ее найдя и оценив вчера,
Хотел сегодня передать бумаге
И приколоть на кончике пера,*

*Как бабочку премудрый энтомолог, —
Что б грубым словом крыльев не помять,
Чтобы к моей коллекции веселой
Еще один прибавить экспонат.*

*Но, видно, я не справился с задачей:
Работая на совесть, не за страх,
Я целую тетрадь напастерначил,
Каникулы без толку потеряв.*

Мюнхен, 1950

В. СИДОРЕНКО

СОЮЗ ДРУЖБЫ

Галю я встретил в лагере Герда-2. Пять лет не видались! Она думала, что меня выдали большевикам, а я думал, что ее репатрировали. На радостях хотели, там же в лагере, свадьбу сыграть, но решили отложить до первых заработков.

Вскоре меня увезли работать конюхом к богатому фермеру, а Галю — санитаркой в дом сумасшедших. Мой хозяин обещал дать справку для Галии, что б ко мне переехать могла.

Через месяц получил я первую получку — сорок пять фунтов стерлингов! Купил себе костюм, Гале платье, туфли, чулки и кучу других вещей. Еще двадцать пять фунтов осталось. Приоделся и поехал к хозяину за справкой; жил он в восьми километрах от ранчо, где мы, конюхи, работали. Хозяина не застал. Приняла меня его дочь — рыжая, лупоглазая, видно, старая дева, — лет, этак, за тридцать.

— Отец скоро вернется, подождите. А вы по какому делу?

Я уже по-английски балакал. Так-то, мол, и так, — говорю. А она меня разглядывает и в комнаты приглашает.

Здорово они здесь, в Австралии, живут! Кругом ковры, красивая мебель, радио, вазы всякие, даже вентиляторы от жары.

«Эх, — подумал я, — будь у нас дома настоящая демократия, может, и я с батенькой жил бы так на нашей Кубани».

А рыжая водит меня, показывает картины, вазы. Я половины не понимаю. Ступаю осторожно, что б при моей комплекции чего не поломать. Она смеется и все оглядывает меня, и облизывается будто. Ну тебя к лешему, думаю. Потом угощать виски стала, сама, как лошадь хлещет.

Тут хозяин приехал. Я к нему — о справке.

— Хорошо, — говорит, — дня через два пришло. Работой вашей доволен. Вы и дочери моей понравились...

На другой день рыжая, вдруг, заявила на ранчо. А скоро не стало мне от нее житья: то ей одно, то другое, то просит проводить верхом до дому, — и так каждый день. А справки для Галии нет и нет. Ребята проходу не дают, — смеются, «хозяинским женихом» называют.

Поймал я, как-то, хозяина и спрашиваю: как же справка? Он усмехнулся и говорит:

— Не могу я вам такую справку дать.

— Как так? — удивился я.

А он мне прямо:

— Дочка не позволяет.

Тут мне все понятно стало. Раз

так, думаю, то хорошо же, рыжая кикимора! Поехал я к хозяину на дом и говорю:

— Расчет! Хочу, мол, в лагерь возвращаться.

А рыжая из соседней комнаты выскочила и орет:

— Ты обязан год по контракту отработать у нас! Не отработаешь срока — в суд, и назад — в Германию.

Услал ее хозяин из кабинета, усадил меня рядом на диван, налил виски и говорит:

— Вот что, мистер Сидоренко... Вы человек работы — это для меня первейшее качество. Вы молодой, сильный, красивый — это для дочки лучшее достоинство в человеке. Поэтому предлагаю вам руку своей дочери — житья мне от нее не стало. Она — единственная моя наследница, а капитал у меня... — и назвал такую цифру, что я не знал, чему больше удивляться: предложению или цифре.

Нет, дорогой хозяин, — говорю я ему в ответ, — спасибо за честь, но не могу: у меня Галия есть, и никого мне не надо, хоть бы ваша дочь миллионершей была.

Он даже не поверил. Похлопал меня по колену:

— Не торопитесь, подумайте.

Такое меня зло разобрало, уехал я на ранчо и запис. Ребята — одни сочувствуют, а другие: женись, дурак, — такое счастье привалило, а ты отказываешься.

Иду я раз ночью, пьяный, домой, о Гале своей вслух разговариваю.

Не успел договорить своей речи, как, вдруг, бац по голове! — и в глазах потемнело...

Пришел в себя — что за чертовщина!? Лежу в большой кровати, а рядом со мной... рыжая! Глаза злые, а сама смеется. А у кровати стоит... полицейский, с какой-

то бумагой. «Может, снится?» — подумал я. Куда там! Полицейский тут же акт прочитал: по английскому закону, если ты спишь с незамужней женщиной в кровати, то должен жениться на ней, а не женишься — три года тюрьмы.

Хотел я рыжую «приласкать», да нельзя — полицейский. Поднялся молча, добрался до дома, собрал вещички и айда на станцию...

Приехал я в Сидней, где Галия работала, разыскал сумасшедший дом — и, верно, вид у меня был такой, что меня в приемный покой сразу потащили. Едва объяснили.

Пришла Галия, я ей — так, мол, и так. Испугалась она, повела меня к своему начальнику. Тот человек был хороший и придумал: ехать мне в глушь австралийскую года на два, и Галю обещал туда переслать. Позвонил кому-то, ну и, короче, через два дня самолет завез меня на север Австралии.

Высадили. Палатку дали, вещей необходимых, продуктов, винтовку. Говорит: «Стада сторожи». «Какие, — думаю, — стада?» А потом разглядел: вся степь в курчавой траве — овцы пасутся.

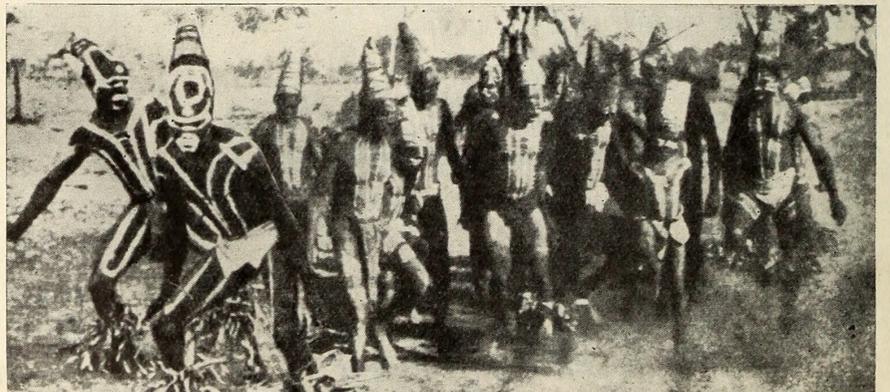
Самолет улетел. Огляделся я: степь, пески, речка под боком, вдали горы. Устроился с жильем и стал жить. В начале жутковато было одному, особенно ночью, — однако, привыкать стал.

На четвертый день, — я еще спал — слышу какие-то крики и, будто бы, барабан.

Выглянул, а вокруг палатки дикари разрисованные пляшут и орут.

Мамочки мои! Я за винтовку, а потом думаю: «Что ж я один сделаю, когда их больше сотни. Попробую по-хорошему».

Вышел, улыбаюсь. Дикари заорали сильнее, да завертелись быстрее. Потом окружили меня и потащили.

Это — мой первый снимок, сделанный фотоаппаратом, который мне в подарок привезла Галия. Наши соседи исполняют „танец австралийско-го журавля“ (так здесь называется страус). Фото В. Сидоренко.

Шли мы с час. Деревня ихняя показала. Навстречу голые ребятишки, бабы голые. Такой крик подняли, что я обалдел совсем. Вывели меня на площадь. Смотрю: костер горит, а над костром большой чан. Подвели к костру и пустились вокруг меня плясать всей деревней — орут, как сумасшедшие.

«Господи, — думаю, — так они ведь сварят меня и сожрут!»

Обмер я от такой догадки. И Галя вспомнилась, и Кубань наша! Вот, мол, доэмигрировался: от большевиков ушел, теперь дикари сожрут!

Как меня раздели — уже и не помню; от страха памяти лишился. Чувствую, что подняли меня голого и к чану понесли.

— Прощай, Галя! — только и успел крикнуть.

Кинули меня в чан. Попал я, однако, не в кипяток, а в теплое что-то. Вынырнул — батюшки мои! — по шею стою в черной воде какой-то. А дикари совсем взбесились: носятся вокруг чана, орут.

Вдруг, сразу остановились и замолчали. Подошел к чану какой-то, — вождь их, как я потом узнал, — положил мне на голову руку и окунул меня снова, — чуть не захлебнулся. Вынырнул, таращу глаза, а он смеется и рукой показывает вылезать.

Вылез я поскорей и, как посмотрел на себя, так чуть совсем чувств не лишился: стою голый и весь черный-черный, вроде негра.

Потащили меня потом в хижину вождя, стали мясом кормить (баранов они из моих стад резали), дали пьерев каких-то, связку зубов звериных и с песнями и с плясками домой к палатке отвели. Пришлось мне подарить им две бутылки коньяку и пачку табаку.

Как ушли дикари, я сразу за мыло и в реку. Мылся, мылся и — хоть бы хны: не смывается краска! Часа три мылся, даже песком пробовал — ничего! Так и вернулся в палатку черным.

Три недели мылся и ничего не мог сделать. Решил, что так уж и оставаться мне негром...

Прошел месяц моей службы. Снова прилетел самолет. Как увидели меня чиновник и летчик, так и повалились со смеху. А за ними Галя из самолета вылезла. Смотрит, бедная, на меня: я или не я? А как опознала — залилась горькими слезами: „Что ж они с тобой сделали!“

Плачет Галя, я стою и сам чуть не плачу, а чиновник с летчиком по земле катаются...

Слава Богу, скоро все выяснилось: забыли они предупредить меня о туземцах и об обычаях ихних. Как только здесь белый поселится, дикари с ним Союз Дружбы заключают: в черный цвет его окрашивают.

Дал мне летчик канистр бензина. Вымылся я бензином и снова нормального цвета стал.

Самолет улетел. Остались мы с Галей. И живем мы себе, не горюем.

С милой рай и в шалаше!

ХЛЕСТАКОВЫХ

Ф. ТАРАСОВ

Шаржи и эпиграммы Н. Олина

На западе много гадают: возникнет ли война с Советским Союзом и, если возникнет, то — когда? Вопрос, как нам кажется, праздный.

Война уже идет — и не какая-нибудь, а атомная. Войну ведем мы! Мы — российская политическая эмиграция. Мы приняли на вооружение даже атомную бомбу — не меньшей силы, чем водородная. И мы уже применяем эту бомбу. Не бойся, читатель: она не вещественного, она духовного порядка. Материал ее не уран. Ее материал — правда, свобода, любовь к Родине. Сцепление атомов этих элементов дает огромную силу, которая и бьет по сталинизму, подымая людей против тирании.

Наши силы не малы. Наши руководители — не вожди, не опереточные генералы. Они — первые из равных. Они — мы. «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена!»

Однако, есть такие фамилии, носители которых не согласны... В семье не без Хлестакова! Бесмертен гоголевский Иван Александрович! Мы признаем это пренеприятное явление.

В сосредоточенной, деловой организации нашей борьбы периодически появляются этикие герои поэты и рекламы. Мы удовлетворим их тщеславие.

Читатель, вынь свою памятную книжку и занеси в нее Арцюка, Глазенапа, Бендеру, Болдырева, Чухнова, Косарева, Солоневича, Яковлева...

Какая смесь одежд и лиц!... Какие все они разные по облику, по хватке, по специальности. Но родня, все они родня Ивану Александровичу! Одинаковы по фанфаронству, по бахвальству. Все, — хоть и в разной, конечно, мере, — на ходулях. И все страдают недержанием речи. Автопанегирики и интервью — излюбленная форма их общения с миром.

У них в руках, самые верные рецепты победы. В их распоряжении силы, способные спасти Родину и, может, и весь мир. Перед их деятельностью бледнеют подвиги Геракла. Гром победы раздавайся, веселися Хлестаков!..

В угаре вдохновенной (бывает, впрочем, и мрачной) болтовни, где вульгарное вранье перемешано с морально-преступным разглашением некоторых сторон нашей борьбы, в которой безымянные герои повседневно ставят на карту свою жизнь, хлестаковы наносят вред тому делу, которому сами же служат. Их «легкость в мыслях необыкновенная» дискредитирует всех нас. Упрешение ими проблемы нашей борьбы затрудняет ее ведение. В расчете на привлечение помощи, они, в действительности, изолируют нас своим пустозвонством. В расчете на привлечение к себе — они служат разединению.

Не мешай, однако, читатель, помянутые выше имена в одну кучу. На плоскость хлестаковщины соскользнули в разной степени и некоторые, по сути, приличные, способные и ценные для нашей борьбы люди. Клептомания («патриотический фонд»!), «20 дивизий» во всем мире — это явление одного порядка. Это хлестаковский примитивизм. Это — погоня «за кошельком городничего» в чистом виде. «Боевые» силы, «стотысячные армии» за «железным занавесом» и «тридцать тысяч курьеров», снующих сквозь «занавес» в пригородную виллу — это явление другого порядка. Это — хлестаковщина особого сорта. Это, кажется нам, от «головкружения»...

«На зеркало неча пенять...» Когда распоясавшийся человек смотрит в зеркало, он подтягивается.

В нашей большой борьбе нам дорог каждый человек, но никакой «герой» не является самодевулюющей ценностью. С ними или без них, — исход нашей борьбы мы знаем точно.

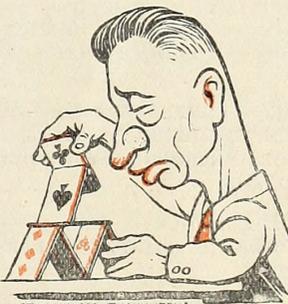
Е. Н. АРЦЮК

— Для чего в пустой «Набат»
Так усердно бьет «аббат»?
— Для того, что б, под шумок,
Согрешить он лучше мог.

К. В. БОЛДЫРЕВ

— Кукареку! Кукареку!
Я — всех сильнее! Я все могу!
Ради красного словца,
Я убью и мертвеца.

С. П. КОЛЬБАСОВ, П. С. ШИШИН

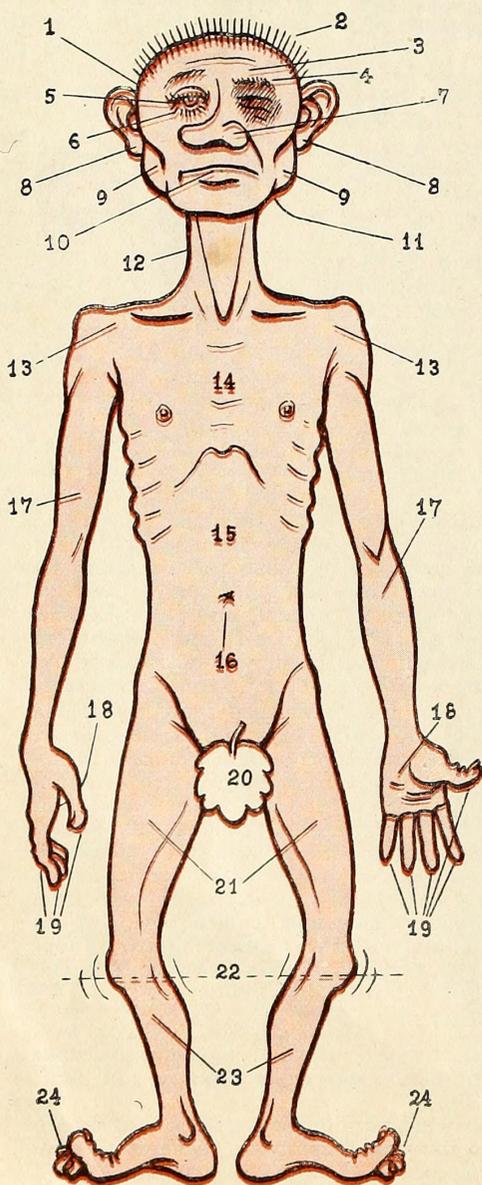
Б. А. ЯКОВЛЕВ

Он явно хочет стать вождем,
Но мы с признанием подождем.
Пусть ям друзьям не роет:
Посмотрим, что построит.

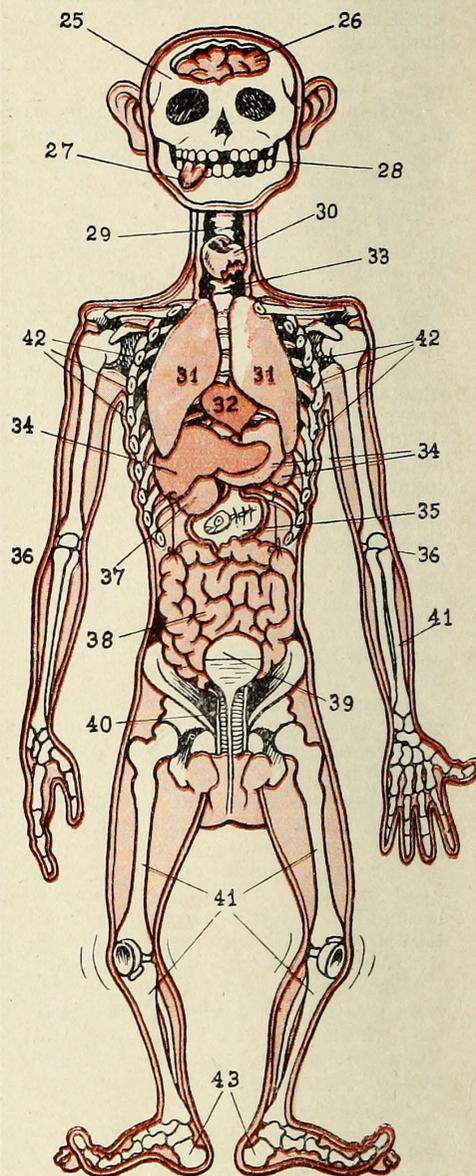
АНАТОМИЧЕСКАЯ СХЕМА СТАНДАРТНОГО ЧЕЛОВЕКА СТАЛИНСКОГО ТИПА

Разработана фельдшером Ковырялкиным по трудам акад. Лысенко и проф. Лепешинской

1. ГОЛОВА — своей иметь не полагается.
2. ВОЛОСЫ — стригутся под одну гребенку.
3. ЛОБ — твердокаменный.
4. БРОВЬ — место, в которое бить не рекомендуется.
5. ГЛАЗ — место, в которое бить рекомендуется.
6. РЕСНИЦЫ — в них спит печаль.
7. НОС — держится по ветру.
8. УШИ — имеющий их да слышит, что говорят соседи.
9. ЩЕКИ — при социализме впадают, при коммунизме проваливаются.
10. РОТ — выходное отверстие для пищи, принятой в общественных столовых.

11. ЗАТЫЛОК — область профессиональных интересов МГБ СССР.
12. ШЕЯ — постоянно намыливается партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями.
13. ПЛЕЧИ — прикрывают мастеров заплочных дел и несут всю тяжесть.
14. ГРУДЬ — впуклая.
15. ЖИВОТ — по первому требованию кладется на алтарь социалистического отечества.
16. ПУП — ничему.
17. РУКИ — рабочие рычаги, работающие на товарища Сталина и голосующие за товарища Сталина. Социалистическая собственность товарища Сталина.
18. ЛАДОНИ — чешутся.
19. ПАЛЬЦЫ — пахнут чем угодно, кроме ладана.
20. ПАХ — область частной инициативы.
21. БЕДРА — желательны только у женщин.
22. КОЛЕНИ — уровень, до которого доходит море в часы запоя.
23. НОГИ — средство передвижения, которым голосуют против Сталина. Подлежат ликвидации.
24. МОЗОЛИ — не выводятся.
25. ЧЕРЕП — вместилище для теоретических упражнений товарища Сталина.
26. МОЗГИ — вынимаются.
27. ЯЗЫК — змеевидный отросток, который необходимо держать за № 28.
28. ЗУБЫ — если не выбиты, за ними держится № 27.
29. ГОРЛО — место, за которое удобнее всего держаться органам МГБ.
30. АДАМОВО ЯБЛОКО — наиболее распространенный в социалистическом обществе вид фруктов.
31. ЛЕГКИЕ — вдыхают фимиами товарищу Сталину, выдыхают разное.
32. СЕРДЦЕ — предназначено для любви к товарищу Сталину, но страдает несварением обоих желудочков.
33. ПОЗВОНОЧНИК — при виде начальства автоматически изгибается.
34. РАЗНЫЕ ПЕЧЕНКИ-СЕЛЕЗЕНКИ — места, в которых сидит советская власть.
35. ЖЕЛУДОК — пережиток капиталистического строя.

36. ЛОКТИ — приводятся в действие при соприкосновении с госторговлей.
37. ЖЕЛЧНЫЙ ПУЗЫРЬ — орган систематически перевыполняющий план.
38. КИШКИ — сталинская трасса, по которой советская власть забирается в печенки-селезенки.
39. МОЧЕВОЙ ПУЗЫРЬ — отличается от немочевого тем, что в нем вырабатывается моча даже при социализме.
40. ПРЯМАЯ КИШКА — действует с большевистской прямоотой.
41. КОСТИ — сырье для мыловарения.
42. РЕБРА — выпирают наружу и регулярно пересчитываются.
43. ПЯТКИ — постоянное место пребывания души.

(На те случаи, когда они сбиваются с правильного курса, что случается довольно часто)

1. Внимательно следить за курсом сталинской дипломатии (он всегда отчетливо виден) и идти в прямо противоположном направлении. Безошибочность гарантируется.

2. В кильватере и параллельными курсами (как это делает английская дипломатия) не ходить. На этих курсах большевики всегда расставляют мины.

ДВА МИРА

Американец осматривал Москву. У заводоуправления завода имени Сталина он заметил несколько автомобилей.

— Кому принадлежит этот завод? — спросил он у гида Интуриста.

— Рабочим, — гордо ответил гид.

— А кому принадлежат эти автомобили?

— Один — директору, другой главному инженеру, третий — секретарю парторганизации...

* * *

Советский гражданин осматривал Детройт. У завода Форда он увидел тысячи автомобилей.

— Кому принадлежит этот завод? — спросил он своего спутника — американского коммуниста.

— Капиталисту Форду.

— А кому принадлежат эти автомобили?

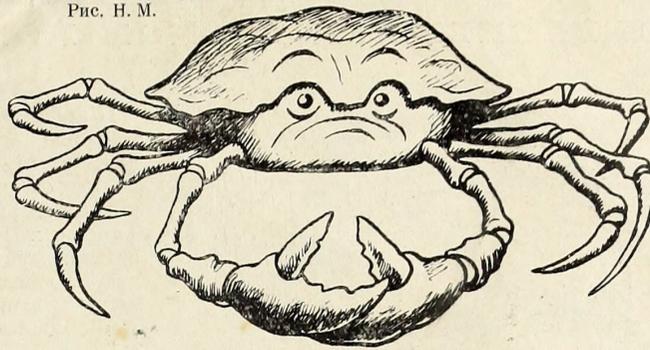
— Рабочим, — безразлично ответил американец.

ОН ЕГО ЗНАЕТ...

Рис. Р. П. Э.

— Я купив Бендеру
Тай заправ, що знав.
Через ту Бендеру
Бендерівцем став...

Как и почему я стал раком

Меня в позапрошлом году выловили «каэры» на берегу Тихого океана, а в начале 1951 года меня отправили, в консервированном виде, в США. Однако, американские портовые рабочие каким-то образом узнали, что меня и моих соконсервников выловили не свободные рыбаки, а политические заключенные, и отказались нас выпустить с парохода. Как ихние хозяева ни уговаривали их, они на своем настояли, заявив, что принципиально демонстрируют против рабского труда в СССР. Пришлось мне стать раком и пятиться обратно.

Вот, я теперь и думаю: почему советская пропаганда утверждает, что диктатура пролетариата существует только в Советском Союзе?.. Репатриированный краб

ДИ-ПИ В ДЕЙСТВИИ

В Чикаго, в помещении русской православной церкви, признавшей московского патриарха Алексия, висели портреты советских маршалов Буденного, Тимошенко, Жукова и других. В самом храме был установлен государственный флаг СССР.

Перемещенные лица, переместившиеся из Европы в США, энергично повели борьбу с таким кощунством и, после специального доклада, голос их сделал свое дело.

Недавно, на собрании прихожан, было единодушно решено удалить священника — коммуниста. Приход, насчитывающий более тысячи душ, сказал пропагандисту в рясе „гуд бай!“ и выбросил все его «иконы» из церкви.

Так русские Ди — Пи помогли большевизанствовавшим американским подданным русского происхождения изгнать „дьявола“.

Андрей Верный

САМОКРИТИКА

1 мая 1946 года Сталин заявил: „Судьбу государства нельзя верить реакционным правителям, преследующим узко-кастовые и корыстные противонародные цели“.

Это было его единственное подлинно-самокритическое заявление.

НА ПОЛИТЗАНЯТИЯХ

— Сидорчук, кто изобрел электрическую лампочку?

— Товарищ Сталин!

— Правильно Молодец! А кто изобрел радио?

— Товарищ Сталин!

— Правильно Молодец! А кто придумал стахановщину?

— Товарищ Сталин!

— Дурак! Об этом уже не говорят..

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Холостяк стучит среди ночи в стену к своему соседу, жена которого неделю назад вернулась из родильного дома.

— Чорт знает, что такое! Почему вы позволяете вашему ребенку так сильно кричать?!

Голос соседа:

— Потому что, когда мы ему не позволяем кричать, он кричит еще сильнее.

Редакция

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА: в Германии — 1 марка, в Австрии — 3 шиллинга, во Франции — 50 франков, в Бельгии — 10 франков, в Швеции — 1.50 кроны, в Великобритании — 1 шиллинг 6 пенсов, в Австралии — 2 шиллинга, в США, Канаде и Венесуэле — 35 центов, в Аргентине — 2.50 пезо, в Бразилии — 8 крузеро.

В ПОКРАСНЕВШЕМ ЖЕЛТОМ МОРЕ

Рис. Н. Ир-ского

По официальным данным китайского командования, каждый третий китайский «доброволец», отправленный в Корею, погиб под ударами войск Объединенных Наций и корейских антикоммунистических партизан. В действительности, потери китайцев еще более велики и приближаются уже к четверти миллиона пленных, убитых и раненых.

— Держись, Мао! Я же тебя выручаю...